

Совесть — гарантия свободы

ВЫДАЮЩИЙСЯ КУЛЬТУРОЛОГ

Очевидно, что по ходу исследований древнерусской литературы Д.С. Лихачёву стало тесно в рамках классического литературоведения. Теперь можно сказать, что рядом с Лихачёвым-филологом в конце минувшего столетия встала фигура Лихачёва-культуролога, не менее значительная и не менее масштабная.

Отсюда, кстати, и исключительная востребованность академика в общественной жизни страны начиная со второй половины 1980-х годов. Когда стала рушиться вся десятилетиями устоявшаяся система ценностей общества, когда жизнь начала выдвигать совершенно новые, недавно немислимые вопросы, ответы на них именно Лихачёва оказались наиболее убедительными. В их основе лежало культурологическое, по сути, понимание России — как научное достижение Дмитрия Сергеевича, как достижение отечественных гуманитарных наук. Синтезируются из филологии и искусствоведения, истории и социологии, краеведения и природоведения, философии, наконец, происходило понимание Лихачёвым России, произрастало Культурологическое Знание.

В этой связи весьма закономерным представляется в 1990-е годы в Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Именно здесь великий учёный реализовал свои культурологические интересы.

СОЗНАНИЕ, КОТОРОЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ БЫТИЕ

Прежде всего в плане общепризнанном Д.С. Лихачёв при-

зывает опираться на особого рода индивидуализм — индивидуализм человека общественного, человека, сопряжённого с обществом, в русской транскрипции — со-востью. Это парадоксальное прочтение взаимосвязи между личностью и социумом имеет, на наш взгляд, огромное методологическое значение. По Д.С. Лихачёву, не объективные законы существования классов, стратегий или партий, а индивидуальная воля конкретной нравственной личности должна утверждаться в качестве локомотива истории.

Лихачёв 90-х годов устремлён помыслам в будущее: «Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. От нас зависит, ста-

немы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как «Что ждёт нас в будущем?», не имеют смысла. Нас ждёт то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определённым пути и не давали никуда отклониться, в истории нет». Традиционный марксистский формуле «Бытие определяет сознание» Лихачёв противопоставляет свою. По Лихачёву, сознание определяет бытие!

Проблема человека общественного, индивидуальности нравственной напрямую связана у Д.С. Лихачёва с проблемой интеллигенции, разряда людей, по его же определению, мыслящих себя исключительно индивидуалистически: «Интеллектуальная

независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных». По Лихачёву, принципиально невозможно участие интеллигента в любой общественной-политической организации, в политической партии. Интеллигент, согласно Д.С. Лихачёву, — это народный человек. И интеллигенции необходимо самопроизвольно, по-народному, «снизу» объединяться в «общества» и сообщества, «общественные формирования, где собираются люди, объединённые специальными, умственными или мировоззренческими интересами». Развитая система таких неформальных и независимых от государства обществ формирует общественное мнение — в некоторых ситуациях орудие не менее мощное, чем политическая или законодательная власть. Д.С. Лихачёв настаивает на том, что именно мораль есть единственная власть, которая не лишает человека свободы. Более того, именно совесть и является истинной гарантией свободы. Соединяясь в единое диалектическое целое, воля и мораль создают внутренний стержень человека — его личность. Именно поэтому «самое большое сопротивление злым идеям всегда оказывает личность».

КУЛЬТУРА КАК СМЫСЛ ЖИЗНИ

В выступлениях Д.С. Лихачёва настойчиво звучит мысль о том, что сопровождающий развитие личности прочный гражданский мир возможен только на основе культуры. Мир должен стать культуроцентричным. Вне

Дмитрий Сергеевич на даче

Когда я начал писать эти заметки, всё время думал, какой это крупный человек, Лихачёв, но думал не только об этом. Я вспоминал — и это чувство не лишено тщеславия, — как он когда-то рекомендовал меня в действительные члены Академии наук. И тут двуглазой силой моего замысла была, конечно, благодарность. И ещё раз гордость: какой человек рекомендовал меня и куда!

Напомним читателям, кто такой Лихачёв-учёный. Пора бы уже появиться большой монографии о нём, а пока лишь остановлюсь на двух важных проблемах в его научных исканиях. Одна из них связана с интерпретацией исторического развития художественной культуры. Выдающийся исследователь русской литературы Средневековья, блестящий истолкователь гениального «Слова о полку Игореве», твёрдо отстаивавший подлинное авторство, когда его пытались приписать писателям позднейшей эпохи — XVIII века, знавший также прекрасно культуру нового и новейшего времени, Лихачёв замечательно обосновал предметную связь между столетиями русской культуры. Именно он вывел закон: история культуры не прогресс, а её накопление. И весь гигантский художественный мир России предстал в его интерпретации единым духовным образованием нации. Лихачёв рассуждал так. Если говорить о прогрессе в истории культуры, то надо будет определить отрывные точки какого-либо художественного явления, но на этом пути исследования не получится. Скажем, найдём такую точку в эпохе Ренессанса, или — конкретнее — во времена Шекспира, и тогда придётся последую-

Соединивший столетия

ющую мировую драматургию считать более совершенной в художественно-эстетическом отношении. Однако так не получится, нет драматурга, о котором мы бы однозначно сказали, что он писал лучше, чем Шекспир. Мы также не можем сказать, что русская драматургия второй половины XX века была, несомненно, совершеннее грибоведовского «Горя от ума» и «Ревизора» Гоголя, а советские пьесы — лучше чеховских.

Бесспорный авторитет в оценках художественных феноменов прошедшего века, Дмитрий Сергеевич руководствовался безупречными нравственными критериями, не допускал ни шехового, академического высокомерия по отношению к писателю и читателю, ни ложной национальной гор-

дости по отношению к иным национальным культурам, оставаясь русским патриотом в высшем значении этого слова. В последние годы своей жизни он составил, руководствуясь своим научным постулатом о том, что культура есть накопление, а не прогресс, проект многотомной антологии «Шедевры русской литературы XX века». Если для научной работы в области литературы, считал Лихачёв, необходим хронологический принцип, то для общего восприятия он необходим. Более того, возможен дополнительный эмоциональный эффект, когда читатель, знакомый с единым, «накопленным» в течение столетия художественным материалом, вместе с тем будет эстетически познавать его во всех временных ипостасях. И главное, что

шесть людей. В антологию вошли и произведения о двух эпохальных событиях века — двух самых страшных войнах человечества, и здесь, в этой блистательной прозе о войне, нельзя не увидеть всё тот же главный мотив в нашей культуре — человеческое милосердие (Л. Андреев, М. Шолохов, В. Богомолов, В. Кондратьев).

Ещё одна тема антологии — то общее начало у писателей, которое оказывается более важным для искусства, нежели различия, пусть даже серьёзные, идеологические. Оно предопределяет родоначальником новейшей русской литературы — Пушкиным, увидевшим главный водораздел в жизни — между её естественным, природными формами и искусственными, ложными установлениями. А. Пушкин, Л. Толстой,

двинул положение, согласно которому в науке о литературе существует своя точность, но только специфическая, допускающая некоторую свободу в трактовке своего предмета. Учёный полагает, что, возмущённый, природа самого предмета литературоведения имеет свою особенность, что отличает его от предметов естественных-научных знаний, а именно: способность расширяться или сужаться.

Литературоведческая гордыня, абсолютизирующая точность своей науки, может привести к вульгаризации решения её проблем, создавая узкую точность в ограничении художественного феномена. Лихачёв предлагает продуктивную точку зрения, согласно которой специфика точности в науке о словесном искусстве

оставляет простор для пусть незначительных неточностей. Такова «воля» художественного явления. В этом смысле Лихачёв близок к позиции отечественного структурализма, которому он отдаёт предпочтение перед всеми остальными новейшими течениями, в частности позиции Ю. Лотмана. Они оба сделали много для уточнения представления о специфике предмета в литературной науке, осуществили важную дифференциацию между структурализмом и формализмом, предложили увидеть в структурализме большую объём содержания.

Лихачёв свободен от «преувеличения от увлечения», считая, что формализация знаний — естественное качество науки. Он, однако, полагает, что эта формализация может оказаться и непродуктивной: «в попытках обрести точность нельзя стремиться к точности как таковой и крайне опасно требовать от материала такой степени точности, которой в нём нет и не может быть по самой его природе. Точность нужна в той мере, в какой она допускается природой материала».

Вот уже семь лет нет с нами Дмитрия Сергеевича. Сейчас в литературоведческой науке и критике непростое время, пост-модернизм, которому противостоял могучий Лихачёв, проникает и сюда. Дмитрий Сергеевич Лихачёв относился к числу тех, о ком поэт сказал: «Нету их — и всё разрешено».

Пётр НИКОЛАЕВ,
член-корреспондент РАН

В 80-90-е годы мне довелось принимать участие в организации и деятельности Фонда культуры СССР, потом Фонда культуры России, многие вопросы решать вместе с Д.С. Лихачёвым.

Особенно интенсивной и интересной была совместная работа в период деятельности Пушкинского общества и ассамблей, руководимых Дмитрием Сергеевичем, благодаря чему удалось немало воз-

Рядом с академиком

ного сделать в период подготовки к 200-летию юбилею А.С. Пушкина. Как память сохраняю тёплые благодарственные письма Д.С.

Моя непосредственная работа в рамках ассамблеи (в то время я трудился главным редактором

главной редакции художественной литературы, членом коллегия Госкомиздата СССР) заключалась в следующем: формирование всей юбилейной пушкинской программы в стране, выпуск собрания сочинений А.С. Пушкина в 3 томах

по безлимитной подписке почти одинадцатым тысячам тиражом. В период моей работы директором издательства «Дружба народов» — подготовка и выпуск (давняя задумка Д.С. Лихачёва) двухтомника «Русские писатели о

Пушкине» и многолетняя работа по изданию книг из творческого наследия поэта.

Некоторые собрания Пушкинского общества мы проводили в Ленинграде-Петербурге в 1990-1993 годы. Об этом в моём стихотворении, в том числе о первом поминальном молебне в Конноном приходе, возвращённом в лоно Церкви при активном содействии Дмитрия Сергеевича.

Свечу возжёт он первым...

Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачёва
В холодном зале Пушкинского Дома
Докладчик — в шубе, не прикрывший труд.
Пошли в бандитском Петербурге вести,
Ведёт нас сквозь грядущие раздоры —
В конце столетия видит трудный путь.

В те дни, когда о плясках злобы, мести,
Ему известны на большом веку,
Пошли в бандитском Петербурге вести,
Звучал его незрелый голос чести,
Напоминал про «Слово о полку»...

Взявал к расудку
о половецком новом
Нераводушных, памятливых рать:
Сберечь, как факел, пушкинское слово,
Не рушить храмы,
Камни собирать.

Радетелей науки, школ и книг,
Чтоб с бременем, — ох! —
«не удыб поносим».
Подвижником стал каждый ученик.
Как те студентки, что, прервав учёбу,
Остались в строгом выборе правы:
Кто в сорок первом влился в ополченье,
Кто рыл противотанковые рвы.

Теперь беда не танковою лавой
На Русь пошла, не ливнями свища —
Разруха нависала над державой,
Сжимая в тисне честные сердца.

Просили о защите и спасении
Творенья духа и родная речь...
Нам выпал жребий:
юным поколениям
Богатство мира книжного сберечь.

Он русской мысли и моря, и реки
Познав, сказал про грозный чёрный год:
Мороз слегка кренчал.

«Беда пройдёт,
Разруха — не навеки,
Пока не сожжены библиотеки,
— Жива страна,
И значит, жив народ».

Страна привыкла видеть Лихачёва
Не на броню,
Был шапкой и позон.
Сильней приска сплывало слово
Учителей, творцов
блывых и новых,
Крупных, пока неведомых, времён.
Он, свято веря в лучший день России,
В боренье и трудах презрев покой,
Соратников сбрав,
стал всеяльной
И непокупной совестью людской.

В январский день, что горечью помечен,
Он с нами шёл,
Мороз слегка кренчал.

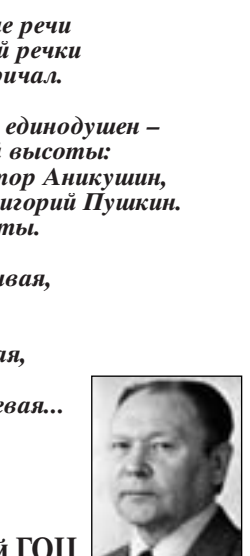
Сменили мы профессорские речи
На тишину и снег у Чёрной реки
И дом на Мойке — зения причал.

Был в помыслах наш сбор единодушен —
Мир видеть с лихачёвскими высотами:
Среди нас великий скульптор Анисимов,
А рядом — шустрый скульптор Григорий Пушкин.
В его лице — правдою черты.

Ковушенная церковь, оживая,
Впустила нас.
Стоим плечо в плечо,
На стеньги полуголые взирая,
Дыханьем их, молитвой
согревая...

Свечу возжёт он первым —
Лихачёв.

Геннадий ГОЦ

Д.С. Лихачёв и Москва

Дмитрий Сергеевич — петербуржец по воспитанию, манере поведения. Он преданно любил и хорошо знал родной город, старался воспитать уважение к петербургским традициям, следил за новыми изданиями о Петербурге, в чём я мог быть полезен и как председатель жюри по присуждению анциферовских премий по петербургскому делу, в заседаниях которого он неизменно принимал деятельное участие. Но Д.С. Лихачёв много сделал для изучения прошлого и Москвы, сохранения её памятников культуры, утверждения ведущей роли Москвы в современной мировой культуре, в развитии научных знаний.

Московская тематика прослеживается в творчестве учёного ещё с довоенных лет. Это исследования и научно-популярные работы об общественном самосознании Московской Руси, московских летописях, сочинениях Ивана Грозного, посольских книгах как памятниках литературы, об Андрее Рублёве, градостроительной символике Успенского собора Московского Кремля, о сотворённом московскими писателями и нового времени, о заслугах московских учёных.

Лихачёву присуще было особое внимание к «интеллектуальной фотографии», помогающей, на его взгляд, в понимании особенностей и творческой биографии писателя и выбора места действия в его сочинениях. Проявлялся в этом плане и интерес к современной ему Москве — небезлободытные его наблюдения о восприятии москвичами Арбата: «...В Петербурге любят Невский, гордятся им, но без той нежности, которую всегда ощущаешь у москвичей по отношению к Арбату. Невский слишком официален...» И его притягивали москвичи, как бы излучавшие «арбатство». Показательна дарственная надпись Б.Ш. Окуджаве на книге «Поэзия садов» — «...самому замечательному, самому любимому, самому благодарному на добрую память о незабытой встрече в Стокгольме». Туда их пригласил Нобелевский комитет как наших соотечественников, воплощающих черты «интеллектуальности» самого старшего поколения и поколения участников Второй мировой войны, и они были очарованы друг другом. И, как выразился Пушкин, «бывают странные сближения»: памятная доска с изображением Д.С. Лихачёва, установленная на стене здания редакции журнала «Наше наследие» в 1-м Неопалимовском переулке, — творение московского скульптора Г.В. Франгуляна, работы которого памятники и Булату Окуджаве на Арбате, и в Бельгии основателю С.-Петербурга Петру Великому в Антверпене, и уроченцу Москвы Пушкину в Брюсселе.

Д.С. Лихачёв знаком был и с подмосковными местами жизни писателей, с уцелевшими памятниками усадьбы культуры, любил подолгу жить вместе с женой Зинаидой Александровной в академическом санатории «Узкое» — там, в библиотеке, он находил книги для своих работ о поэзии садов и искусстве, встречался с писателями, учёными.

В Москве академик не раз выступал с научными докладами, руководил научными конференциями и заседаниями. Его вступительным словом началось юбилейное заседание Дома Карамзина в декабре 1991 года в Колонном зале Дома союзов, а ещё ранее он добился согласия на репринтное переиздание «Истории государства Российского». Многие его книги выходили в московских издательствах. Он — постоянный автор московских журналов и газет, а статья, название которой сразу вошло во всемирную научную терминологию — «Экология культуры», впервые напечатана в 1979 году в журнале «Москва». Д.С. Лихачёв — основатель продолжающихся московских изданий ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия» и журнала «Наше наследие». Он заметно содействовал созданию Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублёва и Дома-музея Марины Цветаевой, установке памятника Пушкину в Пушкинском сквере к 500-летию Арбата. Научной конференцией в Московском доме учёных отмечали 80-летие академика, и Тенгис Абуладзе счёл возможным озакомить там учёных-гуманитариев с новым изданием ещё на широкий экран фильм «Поканье». В Москве издавали сборники в честь учёного, подготовленный к 90-летию имеет показательное название «Русское подвижничество».

К середине 1980-х годов, признанный влиятельным общественным деятелем, возглавив Фонд культуры, Д.С. Лихачёв стал активным участником и происходивших в Москве общественных мероприятий и казался воплощением и подлинной интеллигентности, и достойного публичного поведения, и отважного и мудрого, но без поступности и склонности к внешне эффектным фразам и посулкам, доброжелательного в эмпатии и в практической деятельности.

Личный вклад Д.С. Лихачёва в развитие культуры Москвы очень весом. И, думаю, не только преклонные перед жизненным подвигом Дмитрия Сергеевича, но и признательность за всё, сделанное им для Москвы, побудила мэра Москвы Ю.М. Лужкова приехать в день панихиды в Петербург и сказать прощальное слово.

О кончине Д.С. Лихачёва писали крупнейшие московские газеты, 28 ноября 1999 года, в день рождения великого современника, состоялось в Доме-музее Марины Цветаевой совместное с Археологической комиссией Академии наук заседание его памяти. И вскоре усилиями Н.И. Катаевой-Лыткиной издала книжечку «Вечер воспоминаний». А в книгу «Археологический ежегодник за 1999 год» добавил раздел со статьями о Д.С. Лихачёве академиком Н.Н. Покровского, Д.В. Сарабьянова, В.Н. Топорова, члена-корреспондента РАН Е.К. Ромодановской, Б.Ф. Егорова, директора Библиотеки Конгресса в США Дж. Лиллингтона и автора этих строк. Немало статей о Д.С. Лихачёве напечатано было в Москве и в последующие годы. Имя Лихачёва уже в декабре 1999 года присвоено Российскому НИИ культурного и природного наследия. В издательстве «Русский путь» в 2003 году вышла его книга «Введение к чтению памятников древнерусской литературы», где объединены статьи, предвещающие книгу много-томного издания «Памятники литературы Древней Руси».

Конечно, в Москве к 100-летию со дня рождения Д.С. Лихачёва проводится немало конференций и заседаний и подготовлены книги — так, в издательстве «Наука» переизданы его книги «Человек в литературе Древней Руси», «Текстология: краткий очерк», в серии «Литературные памятники» («Письма о добром» и в приложении к этому классическому памятнику художественно-моралистический литературы статьи Д.С. Лихачёва о задачах серии, работу коллегам которой он возлагал много лет, о предшественниках на этом посту академиком С.И. Вавилова и Н.И. Конраде, предисловия к изданиям в серии по его почину роману Андрея Белого «Петербург» и к воспоминаниям художника и искусствоведа А.Н. Бенуа. Вышла в свет и книга члена-корреспондента РАН В.И. Васильева «Дмитрий Сергеевич Лихачёв и книга: из истории академического книгознания».

Выявляется немало материала для исследования по тематике и «Москва в жизни и творчестве Д.С. Лихачёва», и «Д.С. Лихачёв в культуре Москвы».

Образ Дмитрия Сергеевича Лихачёва остаётся в благодарной нашей памяти, а содеянное учёным и писателем — в фундаменте современной культуры. Хотелось бы, чтобы жизнь и творчество его воспринимались и как нравственные вершины.

Сигурд ШМИДТ,
советник Российской академии наук,
академик Российской академии образования

